Коновалов Андрей Анатольевич, Ахметова Марианна Хасановна, Шорова Марьяна Будѐновна

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЧЕРКЕССКОГО ОБЩЕСТВА В ТРУДАХ АДЫГСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются взгляды адыгских просветителей XIX века на социальную структуру черкесов. Анализируется отношение просветителей к сложившемуся общественному строю черкесов: его сословному делению, основным правам и обязанностям, взаимоотношениям представителей разных социальных страт. Приводится материал, свидетельствующий о глубоко зашедшем процессе социальной дифференциации в адыгском обществе. Авторами впервые выявлена схожесть во взглядах адыгских просветителей XIX века на социальную структуру адыгского общества, а также меры по улучшению общественного строя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/8/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(82) С. 103-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

PECULIARITIES OF ARTISTIC DESIGN OF THE ILLUSTRATED MAGAZINE "GIL BLAS ILLUSTRÉ"

Klyushina Elena Vital'evna
Saint Petersburg University
elena.klyushina@gmail.com

The article is devoted to the analysis of peculiarities of artistic design of the illustrated magazine "Gil Blas Illustré" published in France in the 1890s. The author sees her task in reconstructing chronology of this printed publication development, conducting its periodization, identifying features of stylistic development of each of the singled out stages. Special attention is paid to peculiarities of creative interaction of masters of different generations, who intersected at the time of work on the next issue of the magazine.

Key words and phrases: belle époque; fin de siècle; Gil Blas Illustré; Le Mirliton; illustrated magazine; Th. A. Steinlen; Aristide Bruant; French press.

УДК 93/99(470.64)
Исторические науки и археология

В статье рассматриваются взгляды адыгских просветителей XIX века на социальную структуру черкесов. Анализируется отношение просветителей к сложившемуся общественному строю черкесов: его сословному делению, основным правам и обязанностям, взаимоотношениям представителей разных социальных страт. Приводится материал, свидетельствующий о глубоко зашедшем процессе социальной дифференциации в адыгском обществе. Авторами впервые выявлена схожесть во взглядах адыгских просветителей XIX века на социальную структуру адыгского общества, а также меры по улучшению общественного строя.

Ключевые слова и фразы: адыгские просветители; XIX век; общественное устройство; социальные слои; феодализм.

Коновалов Андрей Анатольевич, к.и.н., доцент
Ахметова Марианна Хасановна
Шорова Марьяна Будёновна, к.и.н.
Кабардино-Балкарский университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
homunculus2@yandex.ru; marianna.ahmetova.94@mail.ru; mshorova@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЧЕРКЕССКОГО ОБЩЕСТВА В ТРУДАХ АДЫГСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

В современном российском обществе проблема общественного и межнационального единства занимает особое место. Безусловно, понимание нынешнего положения и его перспектив не может игнорировать исторический опыт. Процесс синтеза историко-экономических особенностей национальных районов Северного Кавказа и общегосударственных ценностей берет свое начало в XIX веке. При этом он не избежал коллизий, противоречий модернизации. Выбор наиболее приемлемого, оптимального курса реформирования российского общества и его экономики требует внимания к историческим основам и традициям хозяйствования в национальных окраинах и, следовательно, изучения научных позиций, конкретных идей и взглядов, выработанных местной общественной мыслью. Актуальность исследования наследия адыгских просветителей XIX века объясняется и тем, что в условиях отсутствия в то время письменности на национальных языках и, как следствие, большого количества источников оно заключает в себе ценнейшие сведения, необходимые для реконструкции социальной структуры адыгского общества.

В начале XIX века у адыгов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов) возникает просветительство – общественное движение, направленное на просвещение народа, введение письменности на родном языке, улучшение социальных отношений, усовершенствование методов хозяйствования и т.д. Адыгские просветители XIX в. уделяли пристальное внимание вопросам социальной структуры своего народа. В их трудах мы находим много интересных сведений, позволяющих реконструировать социальную структуру адыгского общества.

Просветители, являясь представителями российской (в ряде случаев – дворянской) историографии, по уровню образования и актуальности своих воззрений справедливо могут быть отнесены к носителям духа перехода от феодализма к капитализму [7, с. 18]. Однако в XIX в. адыги находились в цивилизационном промежутке от позднеродового строя до развитого феодального, а с точки зрения религии – нередко противопоставляли себя в качестве мусульман «христианской миссии» Российской империи. Безусловно, это подстегивало просветителей не только к внимательному анализу сложившегося порядка, но и выработке различных предложений по совершенствованию традиционных институтов адыгов и их социальной структуры, превращения ислама в инструмент примирения и управления [9, с. 9].

Одними из основных сюжетов, затрагиваемых адыгскими просветителями, являлись сословная структура и политическое устройство их сородичей. Как отмечают практически все адыгские просветители XIX века, у кабардинцев феодализм достиг высокого уровня по сравнению с другими адыгскими обществами.

Довольно подробно права и обязанности различных слоев общества рассмотрел Султан Хан-Гирей в своем основном труде «Записки о Черкесии». Общество делилось на пять «классов»: князья, дворянство, духовенство, вольные земледельцы, крестьяне. В свою очередь, среди слоев общества выделялись подклассы. Во главе социальной лестницы у адыгов стояли князья [12, с. 123-124].

Аристократическая верхушка, по мнению просветителя, делилась на пши и уорков, то есть на князей и дворян. Верховная власть принадлежала князьям, но С. Хан-Гирей не смог дать объяснения, почему каждый житель адыгского социума должен был повиноваться ему. Дворяне делились на три группы, или, как пишет С. Хан-Гирей, на три разряда: первостепенные, второстепенные и дворяне третьей степени [Там же, с. 119-120].

Крестьянство С. Хан-Гирей подразделяет на две группы: на вольных земледельцев (тфокотлов) и крепостных крестьян (пшитлов). Отмечая особенности развития социальных отношений у адыгских народов, он тщательно анализирует экономическое и правовое положение тфокотлов в «демократических» и «аристократических» обществах. В «аристократических» обществах часть тфокотлов считалась подданными феодалов, а другая часть – вольными людьми, но находящимися под покровительством князей и дворян. За покровительство «вольные люди» преподносили князьям и дворянам «добровольные пожертвования». Подчеркивая бесправное положение основной массы тфокотлей, он писал, что вольные земледельцы «не имеют значительных родовых прав, каковые присвоены этому классу в племенах, имеющих народное правление» [Там же, с. 119].

Крепостных крестьян (пшитлов) С. Хан-Гирей делит на четыре группы: на уволенных, дворовых вешних, дворовых внутренних и бездомных [Там же, с. 125].

К низшей категории населения С. Хан-Гирей относит домашних рабов (унаутов и унауток), которые не имели ни имущественных, ни семейных прав. Владельцы имели право «располагать ими по произволу своему». Постепенно эти рабы могли перейти в категорию крепостных крестьян. Бичуя чрезмерный произвол и насилие, жестокость и бесчеловечность знати, С. Хан-Гирей с негодованием писал: «…самовластие сильных владельцев, переступив условия, дарованные крестьянину при его водворении противу обычаев и законов своей земли, налагает на него оковы рабства и семейство несчастного делается жертвой бесчеловечия владельцев» [Там же, с. 126].

В целом, надо сказать, что С. Хан-Гирей дал глубокую характеристику социальному строю адыгских субэтносов, убедительно показал неравномерность их общественного развития, наличие социального неравенства и глубоко зашедший процесс дифференциации.

Измаил-бей Атажукин, указывая на иерархический характер кабардинского общества, писал: «Первую ступень власти имеют князья, в зависимости коих суть дворяне, делящиеся на три степени и знаменующиеся неограниченной приверженностью к свои князьям. Народ находится в совершенном узничестве дворян и князей» [10, д. 6164, ч. 33, л. 8].

Адыгский ученый и просветитель Шора Ногмов в «истории адыгейского народа», используя материалы устного народного творчества, дает более подробную характеристику социальной структуры кабардинского общества. Дворянство он делит на пять степеней: *тлекотлеш*, *диженуго*, *кодз*, *пшиорк*, или *беслан-уорк*, и *уорк шаутлугус*. Крестьянство делит на четыре группы: «1) пшикеу, то есть “княжеский”, 2) окго или тлаоксьшао, то есть “крепостной”, 3) длагунпить или дльхокотль, то есть “крестьянин”, и 4) унаут, то есть “дворовый человек”» [8, с. 107].

Как отмечает Ш. Ногмов, «звание князя почиталось столь священным для адыхов (*так Ш. Ногмов называет адыгов – К. А., А. М., Ш. М.*), что всякий подданный считался обязанным для защиты владельца жертвовать не только имуществом, но и жизнью. Князья издревле назывались покровителями и защитниками народа, каждый из них имел более или менее зависящих от него подвластных… Владельцы обращаются с уорками и народом просто, без гордости и надменности» [Там же, с. 74]. Здесь ярко прослеживается идейная принадлежность Ш. Ногмова к дворянской историографии. Взаимоотношения князей и других сословий были, как известно, не совсем безоблачными; просветитель сам осуждал княжеские междоусобицы и другие конфликты, подрывающие централизованную власть [11, с. 120].

Материалы С. Хан-Гирея и Ш. Ногмова дают нам возможность утверждать, что феодализм у адыгских субэтносов находился на разных ступенях развития.

Вопрос о социальной структуре адыгского общества нашел отражение и в трудах Султана Адиль-Гирея. К господствующему сословию он относит князей и дворян, а зависимое население делит на подвластных хлебопашцев (пшитлов) и рабов (ясырей) [2, с. 293]. В статье «Об отношении крестьян к владельцам у черкесов» С. Адиль-Гирей описывает некоторые права и обязанности крестьян и феодалов по отношению друг к другу. Название статьи уже говорит о зависимом положении крестьян. Отмечая условия их существования, он пишет, что «один должен владеть, а другой – повиноваться». Крестьянин находился в личной зависимости от своего господина, так как он должен был сеять хлеб, собирать урожай, косить сено, заготавливать дрова, смотреть за скотом владельца и так далее [1, с. 36]. Просветитель отмечает факты продажи крестьян у адыгов, но на определенных, узаконенных нормами обычного права условиях. В случае продажи пшитля владельцы не имели права разделять семью крестьянина, то есть продавать членов семьи разным хозяевам.

В отличие от своих предшественников, Адиль-Гирей Кешев, творивший в условиях либерализации общественного сознания, реформ 1860-1870-х годов в России, с более демократических позиций подошел к раскрытию внутренних процессов, происходящих в социально-экономической и нравственно-психологической жизни адыгского народа. В своих трудах «На холме», «Записки черкеса», «Абреки», в газетных обзорах А.-Г. Кешев обрисовал феодальный облик адыгских обществ со всеми нюансами и сложностями. Он раскрыл противоречивый характер общественного строя, показал наличие различных идейных течений, острых социальных и политических противоречий.

В своих произведениях просветитель показал наличие в адыгских обществах различных социально-классовых групп, обостренность социальной атмосферы, невысокий и разный уровень общественных отношений. Общества, по мнению А.-Г. Кешева, состоят из двух классов: господствующего и эксплуатируемого. К первой группе он причисляет тех людей, которые живут в хороших домах, то есть в кунацких, а ко второй группе – трудовой люд, который он называет чувячниками, холмовниками и заседателями. А.-Г. Кешев обрисовал картину сословной иерархии. Господствующее положение князей и дворян охранялось *уорк-хабзе* – сводом черкесских обычаев. «Дворянский обычай, – пишет просветитель, – указывает каждому черкесу приличное ему место, дает ему знать, что можно ему делать и чего нельзя» [3, с. 166].

Говоря о дворянском обычае и подвергая его критике, просветитель не склонен полностью отвергать принципы дворянского этикета. Как отмечал Т. Х. Кумыков, он готов принять его как образец жизнедеятельности, этикет, достойный подражания [6, с. 74].

Отмену крепостного права А.-Г. Кешев встретил с одобрением. В этом акте он видел серьезные положительные последствия для духовного и экономического развития народа. Он отмечал, что «преобразования в быту горцев, подорвав в корне все основания в начале народной жизни, заставили народ окончательно забыть о скудном умственном завещании его предков» [4, с. 169].

Вопросы социального устройства, общественного строя адыгов глубоко волновали Лукмана (Дмитрия) Кодзокова – просветителя и крупного общественно-политического деятеля Кабарды второй половины XIX века, воспитанника семьи славянофила А. С. Хомякова. Особое внимание он уделял социальной структуре крестьянства. В Кабарде крестьянство, как указывает Л. Кодзоков, делилось на три главных разряда: лагунапыты, оги и унауты [5, с. 100]. Л. Кодзоков впервые сформулировал тезис о том, что условия жизни лагунапыта составляют нормальное положение адыгского пшитля. Этот тезис затем был принят в большинстве официальных записок о зависимых сословиях адыгского народа. Просветитель изучал также социальную структуру социальной элиты адыгского общества. В трудах сословной комиссии и в его записках мы находим подробное описание отдельных социальных категорий знати.

В целом, взгляды адыгских просветителей на социальное устройство адыгского общества совпадают, хотя можно проследить и некоторые незначительные различия. При описании сословного деления и гражданского устройства одновременно подаются идеи об устаревшем характере институтов, но и об исторической закономерности состояния общества, в частности наличия в нем классов.

Таким образом, мы видим, что адыгские общественные деятели XIX века уделили значительное внимание освещению социальной структуры адыгского народа. Они показали глубоко зашедший процесс социальной дифференциации в адыгском обществе, констатировали факт оформления различных социальных групп в XIX веке. Просветители сумели показать различный уровень развития отдельных адыгских обществ и тем самым внесли большой вклад в изучение общественного строя адыгов и обогатили кавказоведение. Следует отметить, что их материалы и высказывания по социальной структуре адыгов до сих пор не утратили свое значение и являются незаменимым источником при изучении истории народов Северного Кавказа.

Список источников

1. **Адиль-Гирей.** Об отношениях крестьян к владельцам у черкесов // Избранные произведения адыгских просветителей / вступ. ст., подг. текстов и коммент. Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 34-37.
2. **Адиль-Гирей.** Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии // Военный сборник. 1860. Т. 9. С. 291-299.
3. **Кешев Адиль-Гирей.** Из кабардинских (адыгских) преданий // Избранные произведения адыгских просветителей / вступ. ст., подг. текстов и коммент. Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 163-168.
4. **Кешев Адиль-Гирей.** О незаметном вымирании горских песен и преданий // Избранные произведения адыгских просветителей / вступ. ст., подг. текстов и коммент. Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 168-171.
5. **Кумыков Т. Х.** Дмитрий Кодзоков. Нальчик: Эльбрус, 1985. 180 с.
6. **Кумыков Т. Х.** Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик, 1996. 328 с.
7. **Кумыков Т. Х.** Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. 448 с.
8. **Ногмов Ш. Б.** История адыгейского народа / вступ. ст. и подг. текста Т. Х. Кумыкова. Нальчик, 1994. 232 с.
9. **Психомахова А. Р.** Историография адыгского просветительства: XIX в. – первая половина XX века // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. Вып. 4. С. 8-14.
10. **Российский государственный военно-исторический архив** (РГВИА). Ф. ВУА.
11. **Хакуашев А. Х.** Адыгские просветители. Нальчик: Эльбрус, 1978. 219 с.
12. **Хан-Гирей С.** Записки о Черкесии / вступ. ст. и подг. текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик, 1978. 333 с.

SOCIAL STRUCTURE OF THE CIRCASSIAN SOCIETY IN ADYGHE ENLIGHTENERS' WORKS OF THE XIX CENTURY

Konovalov Andrei Anatol'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Akhmetova Marianna Khasanovna
Shorova Mar'yana Budenovna, Ph. D. in History
Kabardino-Balkarian University named after Kh. M. Berbekov in Nalchik
homunculus2@yandex.ru; marianna.ahmetova.94@mail.ru; mshorova@mail.ru

The article examines views of Adyghe enlighteners of the XIX century on the Circassians' social structure. The enlighteners' attitude to the Circassians' established social order is analyzed: its class division, basic rights and duties, relationships of representatives of different social strata. The presented material shows the deep process of social differentiation in the Adyghe society. The authors for the first time reveal similarity in views of Adyghe educators of the XIX century on the social structure of the Adyghe society, as well as measures to improve the social system.

Key words and phrases: Adyghe enlighteners; XIX century; social structure; social strata; feudalism.

УДК 211.5
Философские науки

Настоящая статья посвящена систематизации современных подходов к интерпретации феномена постсекулярности. В результате проведенного анализа были сформированы три класса: первый включает идеи о постсекулярности как критике теории секуляризации; второй основан на диалектическом синтезе религиозного и светского взглядов на мир; третий посвящен анализу качества религиозного сознания и практики веры в постсекулярном пространстве.

Ключевые слова и фразы: постсекулярность; десекуляризация; секуляризация; секуляризм; «множественные современности»; «коммодификация религиозности»; «бедная вера».

Кузьмина Елена Владиславовна
Фазлеева Регина Ринатовна, к. филос. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
bossloko1@yandex.ru; pagua@yandex.ru

ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ: ТЕНДЕНЦИИ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА В СОВРЕМЕННЫХ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Всплеск интереса к проблеме постсекулярного понимания мира произошел в конце 90-х годов XX века. Постепенно понятие постсекулярного приобрело разнообразные оттенки, а в XXI веке проблема адекватного анализа данного явления стала еще более сложной и разносторонней. Феномен постсекулярности захватывает проблемные поля широкого спектра дисциплин – от философии и теологии до культурологии или международных отношений, в связи с чем достаточно сложно предположить возможность создания единой теории постсекулярности. Однако по-прежнему актуальным остается вопрос: насколько смыслы, приписываемые постсекулярному в различных академических сферах, являются последовательными и непротиворечивыми? В настоящее время ощущается острая необходимость, как минимум, систематизации и «наведения порядка» в растущем разнообразии значений этого термина. В данной работе мы, не претендуя на исчерпывающий характер, попытаемся структурировать множество существующих в современном дискурсе подходов к пониманию постсекулярного, а также указать на основные аргументы в пользу постсекулярного понимания мира.

Исходя из контента проанализированных источников, мы склонны придерживаться точки зрения, согласно которой весь широкий спектр идей и концепций постсекулярности можно разбить на три обширные группы. Безусловно, как мы уже отмечали выше, данная классификация не будет являться максимально полной и детализированной, но, тем не менее, поможет заложить основу для дальнейшего систематического осмысления феномена постсекулярности. Поскольку сам термин «постсекулярность» уже семантически связан с процессом секуляризации, то в основе нашего деления множества представленных теорий лежит специфика взаимоотношений между этими двумя феноменами.

К первой группе, на наш взгляд, стоит отнести критиков секуляризации и скептиков, отрицающих ее как таковую. Сторонники этих позиций придерживаются мнения, что секуляризация никогда не отражала истинное состояние религиозных изменений, таким образом, необходимо полностью отказаться от несостоятельной и ошибочной концепции, а взамен следует говорить о современной религиозной ситуации в терминах постсекулярного.

В рамках данного направления крайне радикальные взгляды высказываются исследователями, обвиняющими секуляризацию в том, что она – не более чем корыстная уловка и идеологический миф, созданный «рациональными интеллектуалами». Стоит отметить, что подобная точка зрения характерна как для отечественных ученых, так и для представителей западной науки. В частности, А. Морозов утверждает, что «…секуляризация как всеобъемлющий процесс больше не существует. Причем не в том смысле,